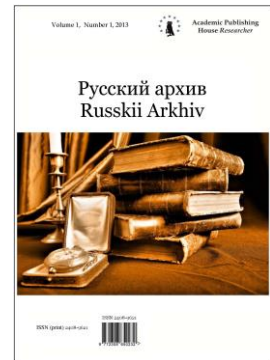

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
 Russkii Arkhiv
 Has been issued since 1863.
 ISSN: 2408-9621
 E-ISSN: 2413-726X
 Vol. 14, Is. 4, pp. 338-349, 2016

DOI: 10.13187/ra.2016.14.338
www.ejournal16.com

UDC 94(47).084.8.

Confessions of a Bolshevik: Letter by L.A. Hodzhamirov to G.M. Malenkov Asking for Rehabilitation

Preparation for publication, introduction and commentary
 Igor O. Tyumentsev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russian Federation
 400131 Volgograd, Gagarin Str., 8
 E-mail: tijumencev@mail.ru

Abstract

A letter by a party official from Transcaucasia with description of his conflict with L.P. Beria and following repressions is present in the article. The publication contains interesting information concerning political work of the Communist party and situation in the region in the time of guidance by L.P. Beria.

Keywords: history of the USSR, Stalinism, repressions in the Transcaucasia Region, collectivization, condition of economy, rehabilitation.

В личном архиве бывшего председателя совета народных депутатов города Хадзыженска Марии Федоровны Белогорцевой сохранилось письмо бывшего члена ВКП(б) Л.А. Ходжамирова председателю Правительства СССР Г.М. Маленкову с просьбой о реабилитации. К сожалению, большая часть документов архива М.Ф. Белогорцевой была уничтожена после смерти ее сына Владислава Анатольевича Белогорцева, но до этого его племянник, внук Марии Федоровны Дмитрий Валентинович Белогорцев успел забрать отдельные заинтересовавшие его документы. Среди них было и письмо Л.А. Ходжамирова, которое он предоставил для публикации.

Леон Агалоевич (в других материалах встречается иное написание его имени и отчества, но в публикуемом документе используется именно такой вариант) Ходжамиров родился в 1836 г. в армянском селении Болнис-Хачи в Грузии, в многодетной армянской семье батрака. В детские и отроческие годы Леон Агалоевич работал на винограднике, принадлежавшем семье, а в юности пошел в батраки. В 1915 г. его призвали на службу в Императорскую армию. Воевал он на Турецком фронте, был ранен. В армии сблизился с большевиками.

В октябре 1917 г. Л.А. Ходжамиров был избран председателем солдатского комитета. К тому времени он, видимо, вступил в члены Российской социал-демократической рабочей партии. В Гражданскую войну находился в Закавказье, скорее всего, на подпольной работе, и в партизанском отряде С.А. Оганесяна. Сразу же после установления советской власти в Закавказье в 1921 г. Л.А. Ходжамиров был избран председателем революционного комитета в Болнисском районе Грузинской ССР, затем стал секретарем Болнисского райкома партии,

инструктором ЦК КП(б) Грузии, инструктором Закавказского крайкома ВКП(б), заведующим организационным отделом обкома ВКП(б). Столь успешная партийная карьера была прервана, когда Л.А. Ходжамиров, занимавшийся проверками работы партийных и хозяйственных органов, по его словам, отказался беспрекословно выполнять распоряжения тогдашнего «хозяина» Закавказья Л.П. Берии. Последовали арест, одиннадцатимесячное заключение и непродолжительная реабилитация после перевода Л.П. Берии на работу в Москву, затем новый арест, этапирование в Москву, и приговор в пять лет лагерей в 1940 г.

После освобождения в 1944 г. исключенный из партии Л.А. Ходжамиров вернулся к семье в Тбилиси и трудился в народном хозяйстве. Арест и расстрел Л.П. Берии в 1953 г., судя по содержанию письма, породили у него, с одной стороны, надежду на реабилитацию, с другой – опасения, как бы работа под руководством Л.П. Берии в Закавказье в 30-х гг. XX в. не обернулась бы ему новым сроком. Именно поэтому он настоятельно просит Г.М. Маленкова поднять и оценить эти дела. Принесло ли это обращение какой-либо результат и какова дальнейшая судьба его автора, нам не известно. Как это письмо попало в архив М.Ф. Белогорцевой, теперь установить невозможно.

Дата на письме отсутствует, но ориентировочно время его написания можно определить на основе известных событий. Нижней датой является устранение Л.П. Берии и его команды (23 декабря 1953 г.), верхней – избрание Н.С. Хрущева первым секретарем ЦК КПСС (7 сентября 1955 г.), сделавшее его первым человеком в государстве, и отодвинувшее Г.М. Маленкова на вторые роли. При публикации сохранены стилистические и орфографические особенности письма, в том числе использование прописных и строчных букв. Раскрываемые сокращения и пропущенные по смыслу слова приведены в квадратных скобках.

Письмо Л.А. Ходжамирова Г.М. Маленкову с просьбой о реабилитации

МНОГОУВАЖАЕМЫЙ ГЕОРГИЙ МАКСИМИЛИАНОВИЧ!

В течение 15-ти лет, в поисках справедливости и правды, я обращался много раз к Великому СТАЛИНУ, к Вам, к покойному КАЛИНИНУ М.И.¹ и в органы советского правосудия. Я добивался ответа на те вопросы, неясность которых меня гнетет и терзает в течение 15 лет. Ответы на мои письма, кому бы они ни были адресованы, получал только из НКВД², причем ответы стандартные, и ничего по существу неговорящие. Из этих ответов мне всегда становилось бесспорно ясным, что мой голос не доходит до тех, к кому я обращаюсь. Наконец, в начале 1953 г. меня вызвали в Н[К]ВД Груз[инской] ССР и сказали: «Вы слишком часто надоедаете Вашей писаниной».

У меня нет никого сомнения в том, что если бы кто-либо занимался моим вопросом вплотную, с чуткостью, присущему советскому человеку, я давно был бы избавлен от столь тяжелого переживания. Но эти мои письма застревали у тех, кому было не выгодно установление правды в затронутом мною вопросе. Чтобы Вы могли справедливо судить о человеке, который обращается к Вам с настоящим письмом, считаю нужным вкратце изложить мою автобиографию.

Родители – семья³.

Родился я в 1836 г. в Грузии, ныне Болнисском районе⁴, в селении Болнис-Хачи⁵. Семья наша состояла из 10-ти душ: отца, матери, 3-х братьев, 5-ти сестер и брата отца. Наша

¹ Калинин Михаил Иванович (1875–1946) – российский революционер, советский государственный и партийный деятель, в 1919–1938 гг. – председатель Всероссийского ЦИК, в 1938–1946 г. – председатель Президиума Верховного совета СССР – высших органов власти РСФСР и СССР. Член Политбюро ЦК ВКП(б).

² Народный комиссариат внутренних дел СССР.

³ Здесь и далее подчеркнута в документе.

⁴ Административно-территориальная единица Грузинской ССР с центром в городе Болниси.

⁵ Армянское село в грузинской исторической области Болниси. Основано в 1789 г. переселенцами из княжества Хачен в Нагорном Карабахе.

семья не имела земли, не имела скота, и не имела своей хаты. Все состояние нашей семьи состояло из куска виноградника, и то захудалого, филоксерного¹, далеко не обеспечивающего минимальной жизненной потребности нашей большой семьи. Мы жили в сырых, темных подвалах у кулаков нашей деревни. За наем этих подвалов кулак эксплуатировал нашу семью на своих полях, в хозяйстве и на виноградниках.

Когда-то, с незапамятных времен, отец наш был вынужден для обеспечения хлебом нашей семьи занимать по векселям деньги у имущих людей. Наш виноградник, будучи малоурожайным, не мог обеспечить погашение этих векселей в сроки, проценты по ним десятилетиями росли, и мы, работая голодными, голыми, не имели права пользоваться нашим трудом, нашим потом. Когда виноград начинал созревать, кулаки Хубларов и Шпайзер, князь Сулханишвили и др[угие] приезжали с судебным приставом, нас выгоняли из виноградника, и сами собирали урожай.

Основным источником нашего полуголодного нищенского существования была работа на кулака, бека² и князя. Тяжелый бесчеловечный труд по[д] ярмом деревенских поработителей, голод, холод, нищета, бесправие, унижение и оскорбление – вот что было уделом жизни нашей семьи до 1921 г., до торжества Советской власти в Грузии. Вот вкратце, я выходец из такой семьи.

Моя жизнь.

Свою трудовую жизнь я начал с семилетнего возраста. С 7 до 12-ти лет я поработал в нашем винограднике. С 12-ти летнего возраста в течение 7 лет я работал сезонным чернорабочим и батраком у разных «хозяев». Работал от зари до зари. Питался отбросами моих эксплуататоров, получал ничтожные гроши, спал в конюшнях на голых нарах. Я не раз подвергался физическим наказаниям моих «хозяев», их сынов, жен и дочерей. Рубцы этих истязаний и по сей день сохранились на моем теле, которые мне суждено унести в могилу.

Гнетущая, нищенская черная жизнь в семье моего отца, еще юношей 12–13 лет зародила во мне чувства вражды и ненависти к классу имущих, к классу эксплуататоров. Это чувство росло, укреплялось во мне с моими годами, особенно в годы моего отрочества. Но, малограмотность, удаленность³ от городского пролетариата и от передовой революционной интеллигенции, являлись причиной моей беспомощности и сравнительно поздней политической зрелости.

Первая империалистическая война в 1914 г. явилась первой ступенью моей марксистско-ленинской революционной школы. С 1915 г. я был мобилизован в царскую армию и вскоре отправлен на турецкий фронт в Туркестанский полк⁴. За короткое время пребывания в полку меня окружали немало революционеров и революционно-настроенных солдат-фронтовиков. Здесь находились большевики т[оварищи] Захарченко, Тремин, Костылев, Пхакадзе⁵ и другие, благодаря которым я крепко и бесповоротно примкнул к партии большевиков, усвоил ее программу, узнал о классах и о классовой борьбе. Здесь я получил очень много для дальнейшего политического развития и активного участия за дело торжества идей Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина, за дело победы Советской власти.

Февральская революция 1917 г. застала меня в военном госпитале в г. Тбилиси⁶, где я лечил свои раны в течение 5–6 месяцев. В течение этих месяцев я успешно занимался самообразованием, благодаря большевику т[оварищу] Троицкой⁷ – женщине-врачу этого госпиталя. И уже здесь я настолько стал идейно-оформленным большевиком-ленинцем, что проводил агитационно-пропагандистскую работу среди больных и раненых солдат за идею партии большевиков.

¹ Филлоксера виноградная – вид насекомых, вредитель винограда.

² Дворянский титул у некоторых народов Ближнего Востока и Средней Азии.

³ В тексте: «дальность».

⁴ В Императорской армии было сформировано несколько десятков туркестанских стрелковых и пехотных полков. Многие воевали на Турецком фронте. Установить, в каком из них служил автор письма, не представляется возможным.

⁵ Сведений об этих людях найти не удалось.

⁶ Столица и крупнейший город Грузии, до 1936 г. по-русски назывался Тифлис.

⁷ Сведений об этом человеке найти не удалось.

В 1917 г. я был выписан из госпиталя и вновь отправлен на фронт. Я попал на этот раз в 8-й рабочий батальон¹, где был избран председателем Совета рабочих, крестьянских [и] солдатских депутатов. Вскоре вместе с возвращающейся русской армией я вернулся на родину.

С 1917 г. вплоть до 1920 г. я безустанно работал среди бедности и батрачества нашего уезда, направляя их борьбу против кулачества, князей, ханов и беков. Я не раз выступал на собраниях граждан нашего уезда в 1917–1918 гг. против меньшевизма², дашнакизма³ и прочих политических течений.

В 1920–1921 гг. я находился в партизанском отряде тов[арища] Оганесяна⁴ и боролся за установление Советской власти в Армении и Грузии. И, наконец, в 1921 г. в феврале месяце водрузилось Красное знамя победы Советской власти на моей родине – Грузии.

Моя работа с 1921 г.

После демобилизации из партизанского отряда в 1921 г. партия и правительство выдвигали меня на ответственные и руководящие работы, сначала в районном масштабе, а дальше на уездные, республиканские и краевые. Партия Ленина – Сталина доверила мне ответственные участки работ, одновременно воспитывая меня в духе Ленинско-Сталинской непоколебимости, принципиальности и непримиримости с[о] всякими отклонениями от генеральной линии партии. Из меня, бывшего забитого, угнетенного, голодного, одним словом ничтожного, партия большевиков сделала грамотным, передовым человеком в обществе.

Партия доверяла мне такие работы, как Председателя революционного комитета в районе, секретаря райкома партии, инструктора ЦК КП(б) Грузии, инструктора Крайкома ВКП(б), зав[едующего] орга[низационным отделом] обкома ВКП(б) и т.п. и т.д.

Все возложенные на меня задачи мною выполнялись с присущей ленинцу-сталинцу настойчивостью. Я никогда не признавал, не сочувствовал каким-либо другим политическим партиям или течениям, и не состоял в них, кроме партии большевиков. Я никогда не колебался в генеральной линии партии большевиков. Я шел твердо по пути меня родившей, воспитавшей, сделавшей меня счастливейшим родной ВКП(б).

Считаю излишним перечислять всю ту борьбу, которую я вел против всех мастей антипартийных группировок и оппозиций. Достаточно проверить письменные документы и допросить еще живых людей в тех партийных организациях, где я работал и состоял, чтобы убедиться в моей кристаллической чистоте, беспредельной преданности партии ЛЕНИНА – СТАЛИНА.

Моей личной жизнью, моим всем существом, моей целью жизни является защита интересов партии Ленина – Сталина, ее чистота и монолитность. Я живу, дышу и вдохновляюсь КПСС.

Я гордился, состоя в ее рядах до 1928 г. Я шел, и продолжаю шагать твердыми шагами по пути партии Ленина – Сталина. Моя вся жизнь, жизнь моих родных является залогом того, что большевизм я всосал с молоком моей матери, и не было, нет, и не может быть силы, способной поколебать мое твердое убеждение, мою преданность Великой Коммунистической партии. Вот весь я, вот моя жизнь, эта моя жизнь, моя работа на ладони.

ГЕОРГИЙ МАКСИМИЛИАНОВИЧ! Вы видели из моей короткой автобиографии, из какой я семьи выходец. Вы видели также мою дореволюционную жизнь и мою работу в рядах КПСС. А теперь я расскажу о своей участи.

Начало травли.

После 9-ти лет работы в провинции в 1929 г. меня перевели на работу в аппарат Закавказского краевого комитета партии в качестве инструктора по работе в деревне. Назначение мое на эту работу мотивировалось тем, что я сам долгие годы до Октябрьской революции был батраком, а после торжества Советской власти имел большой опыт по

¹ 8-й рабочий батальон – вспомогательная часть в Императорской армии [1].

² Меньшевизм – течение в русской социал-демократии, возникшее в противовес большевизму.

³ Дашнакцутюн – «Армянское революционное содружество» – одна из старейших армянских политических партий. Создана в 1890 г. в Тифлисе.

⁴ Возможно, это Саргис Арутюнович Оганесян, но тогда у автора хронологическая путаница, так как С.А. Оганесян возглавлял партизанский отряд в 1917–1918 гг., а затем был командирован в Астрахань.

работе среди бедноты и батрачества. Я знал эту массу, их психологию, их нравы, обычаи, их материальные и культурные нужды.

В 1929–1930 гг., в годы сплошной коллективизации, мне как работнику ВКП(б) было поручено обследовать по республикам Закавказской федерации (Азербайджан, Армения, Грузия) состояние агитационно-массовой работы в колхозах. Закончив возложенную на меня задачу, я, как правило, информировал ЦК республики о предварительных итогах моего обследования, где намечались те или другие мероприятия по усилению партийного руководства колхозами.

Такую же информацию я должен был сделать в ЦК КП(б) Груз[узии], но для этого мне нужно было дополнить материал некими сведениями из ГПУ¹ Груз[инской] ССР. Вот здесь я впервые столкнулся с Берия Л.П.², работающим тогда в ГПУ. Прежде чем получать нужные мне сведения, Берия интересовался материалами обследования по Грузии. Между другими вопросами я ему сказал: «80 % коллективизированное сельское хозяйство, о котором «рапортуют» некоторые районные руководители Грузии, а особенно Абхазия, это миф, ибо эти колхозы возникают стихийно, или же насаждаются насильственно под страхом. Повсеместно нарушается Ленинское учение и директивы ЦК ВКП(б) о добровольном вовлечении крестьян в коллективное хозяйство, путем убеждения их в преимуществе коллективного ведения сельского хозяйства.

Партийное руководство на местах отстает, агитационно-массовая политическая работа поставлена на низком уровне. Органы ГПУ, производя аресты лиц из князей, дворян, кулаков и разной меньшевистской твари, не щадят и середняков, и бедняков, кои попали под влияние этих контрреволюционных антиколхозных элементов, вследствие ротозейства и слабого руководства партийных организаций».

Выслушав меня, Берия сказал: «Вам быть попом в церкви, но не партийным работником, голая агитация и проповеди – пустяк, когда беднота и то настроена против коллективизации». Вот здесь я сказал Берии: «ГПУ – политический орган, удивляюсь Вашей политической неграмотности!». Вот отсюда и начинается травля (моя докладная находится в архиве ЗКК ВКП(б) 1929–1930 гг.).

Наступил 1931 г. Берия – секретарь ЗКК ВКП(б)³. Он застаёт меня в аппарате Закавказского кра[евого] ком[итета], в должности зав[едующего] сектора промышленности и транспорта. Он не может смотреть на меня, он не отвечает на мои приветствия, он не принимает меня по вопросам. В 1932–1933 гг. Закавказская железная дорога представляла собой полный хаос. Дорога была дезорганизована, начиная из Батуми до Дербента. Справа и слева дороги в ущельях и пропастях валялись целые маршруты товарных поездов с цистернами. Почти ежедневно, то здесь, то там происходили крушения товарных и пассажирских поездов. Государство несло огромные материальные и человеческие убытки. В этот период я в течение 2-х месяцев обследовал всесторонне состояние Закавказской железной дороги.

Признаюсь, что в течение ряда лет моей работы в ЗКК ВКП(б), я такого богатого, насыщенного неопровержимыми фактами материалов о причинах разрухи, дезорганизации провала ЗкЖД⁴ не имел. Я написал огромный доклад по итогам этого обследования и представил первому секретарю ЗКК ВКП(б) Берии, секретарю ЗКК ВКП(б) по транспорту Олину⁵ и начальнику политотдела НКПС СССР⁶ Амосову¹. Я полагал, что ЗКК ВКП(б)

¹ Государственное политическое управление при НКВД в 1922–1923 гг.

² Берия Лаврентий Павлович (1899–1953) – советский государственный и политический деятель. В 1927–1930 гг. – нарком внутренних дел Грузинской ССР, в 1937–1938 гг. – первый секретарь Тбилисского горкома КП(б) Грузии, в 1931–1938 гг. – первый секретарь ЦК КП(б) Грузии, одновременно, в 1932–1937 гг. – первый секретарь Закавказского крайкома ВКП(б). В 1938–1945 гг. – нарком внутренних дел СССР, а в 1945–1953 гг. – министр внутренних дел СССР. Член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б). 26 июня 1953 г. арестован и затем расстрелян.

³ Закавказский краевой комитет ВКП(б).

⁴ Закавказская железная дорога.

⁵ Сведений об этом человеке найти не удалось.

⁶ Народный комиссариат путей сообщения СССР (Наркомпуть) – государственный орган СССР, управлявший деятельностью железнодорожного и других видов транспорта Советского Союза в 1923–1946 гг.

немедленно заслушает этот доклад, однако этого материала не стало. Этот труд утонул куда-то, вскоре и меня не стало в аппарате ЗКК ВКП(б). Характерно, что по истечении 3–4 лет (1937 г.) после этого, как-то меня по телефону вызывает зав[едующий] промышленным отделом ЗКК ВКП(б) некий Дарахвелидзе² и спрашивает: «Ты когда обследовал ЗкЖД, не сохранились ли у тебя копии этой докладной? Эту докладную просит Каганович Л.М.³» Я ответил: Эта докладная имеется у вас в ЗКК ВКП(б) в 2-х экземплярах и можете отослать т[оварищу] Кагановичу».

Все это стало для меня загадкой, я думал: «Докладная одновременно мною послана т[оварищам] Кагановичу Л.М. и Амосову [А.М.], почему же т[оварищ] Каганович должен требовать еще раз». Через несколько дней Дарахвелидзе сказал мне: «Лаврентий Павлович по каким-то запросам из Москвы подозревает, что ты материалы по обследованию ЗкЖД послал т[оварищу] Кагановичу и хотел убедиться в этом. Ты знай, что он зол на тебя». И так, вскоре после этой моей работы Берия сказал мне: «Вам придется выехать на работу в Армению, там нужны работники». Мне стало ясно, что Берии не понравилась посылка материалов обследования ЗкЖД в Москву, что он начинает мстить мне за столкновение в 1930 г. Спорить с секретарем Крайкома я не стал, и выехал в распоряжение ЦК Армении и работал [в] РК КП(б)⁴. Поработав более года в Армении, я, по причине моей болезни, был освобожден и откомандирован в распоряжение ЗКК ВКП(б). После долгого хождения по коридорам Закрайкома, Берия, наконец, рекомендует мне идти на работу по торговле. Я ответил, что после стольких лет работы в партийном аппарате будет неправильно направлять меня продавцом, тем более, что это дело мне совершенно не знакомо. Наконец, он направил меня инструктором ЦК Грузии по Лесной промышленности. В один прекрасный день 1934–1935 г. заведующий промышленным отделом ЦК КП(б) Грузии Джавахидзе предлагает мне зайти к Берии, я захожу: «В строительстве Ингурбумкомбината⁵ – говорит он, – беспорядки, аварии и т.д., имеется ряд материалов. Все это мне кажется дело[м] рук секретаря парткома Гобеджишвили. Выезжайте, проверьте, будем слушать Вас на бюро, надо снять Гобеджишвили».

Берия дает мне кучу бумаг, но в этих бумагах нечего не сказано о действиях Гобеджишвили (Гобеджишвили – старый член партии, бывший зав[едующий] орг[анизационным отделом] ЗКК ВКП(б) с переходом Берия в Закрайком он был направлен в Юго-Осетию секретарем Обкома ВКП(б), оттуда был снят и назначен Наркомюстом, вскоре был снят с должности Наркомюста и направлен секретарем парткома строительства Ингурбумкомбината, вскоре арестован). Однако я поехал для проверки в Ингурбумкомбинат, но компрометирующего материала на Гобеджишвили не обнаружил, виновные в неполадках в строительстве оказались другие (моя докладная в архиве ЦК ВК(б) Гр[узии]). «Не годитесь, не годитесь для работы в партийном аппарате, – сказал мне Берия, – вам придется перейти на другую работу, подумайте, где хотите работать и скажите мне». Я так и не пошел к нему, он через несколько дней направил меня на работу в Министерство местной промышленности Груз[инской] ССР. И это было третьим ударом по мне, потому что я оказался объективным и не привез по заказу Берии компрометирующего материала на Гобеджишвили.

¹ Амосов Алексей Мефодьевич (1896–1937) – член РСДРП(б) с 1914 г. В 1920–1921 гг. член ЦК Союза железнодорожников и водников, заместитель председателя ЦК Союза железнодорожников, в 1921 г. – председатель Южного бюро областного комитета транспортников (Харьков), в 1921–1922 гг. – председатель Южного областного комитета транспортников Украинской ССР. В 1922–1929 гг. – ответственный секретарь ЦК Союза железнодорожников, в 1925–1933 гг. член Президиума ВЦСПС, в 1929–1933 гг. председатель ЦК Союза железнодорожников. В 1931 г. – заместитель народного комиссара путей сообщения СССР. В 1933 г. – начальник Северной железной дороги, затем Московско-Курской железной дороги. Арестован 4 апреля 1936 г. и затем расстрелян [2].

² Сведений об этом человеке найти не удалось.

³ Каганович Лазарь Моисеевич (1893–1991) – российский революционер, советский государственный и партийный деятель. В 1935–1937, 1938–1942, 1943–1944 гг. – нарком путей сообщений СССР. Член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б).

⁴ Районный комитет Коммунистической партии (большевиков).

⁵ Ингурский бумажный комбинат построен перед Великой Отечественной войной в городе Зугдиди Грузинской ССР.

Партийная организация Наркомата и местной промышленности на общем партийном собрании единогласно выбрала меня в состав парткома, и дальше я был выбран секретарем парткома. Свою работу я начал с изучения кадров Наркомата и написал докладную записку на имя б[ывшего] секретаря ЦК ВКП(б) Берии, в Кировский райком партии и ТК КП(б)¹ Грузии. В этой моей докладной я написал, что в аппарате Наркомата почти 80 % начальников управления не внушают политического доверия. К этим лицам я не предъявлял конкретные обвинения по практической их работе, но отмечал, что многие из них бывшие меньшевики, грузинские национал-уклонисты, троцкисты, что некоторые из них не раз бывали исключены из партии, были арестованы и высланы. Я писал, что этим людям нельзя доверять руководство управлениями. Однако моя такая работа оказалась не по душе Берии. Он на мой вопрос: «Как думаете реагировать на мое письмо?» сказал: «Эти работники номенклатуры ЦК, а ЦК знает, кому доверять ту или другую работу». Этим самым Берия хотел затянуть мне горло. Я еще сильнее и настоятельнее проявлял себя в борьбе за чистоту партии. Вслед за этим я, по поручению Кировского РК КП(б) Тбилиси в 1937 г. проверил деятельность и кадры «Грузкоопинсоюза»². Здесь были выявлены растраты, хищения. Здесь нашли себе убежище и теплый угол уголовные элементы, б[ывшие] меньшевики. Возглавлял эту организацию явный троцкист, вернувшийся из ссылки и восстановленный в партию. Однако материалы по обследованию я представил не только в Кировский райком, но и б[ывшему] секретарю ЦК КП(б) Грузии Берии и [в] НКВД Грузии б[ывшему] наркому Гоглидзе³. В Кировском РК КП(б) Грузии мне сказали, что: «Итоги Вашего обследования будет слушать ЦК КП(б) Грузии». Но [я] так и не мог узнать, куда девали, и что сделали с этим материалом. Знаю только то, что моя активность, моя борьба, мои критические докладные письма были не по душе Берии (доклад в ЦК КПСС Грузии, Тбилисском комитете КПСС, в Кировском райкоме КПСС и НКВД Грузинской ССР).

Как видите, начиная с 1930 г., я был взят под прицел Берии, за то, что:

1. В 1930 г. я заслуженно отметил его политическую неграмотность и антиколхозное настроение.
2. В 1932–1933 гг. отметил хаос, вредительство, засоренность аппарата Зак[авказской] ЖД и плохое партийное руководство.
3. В 1934 г. не выполнил заказ Берии по обследованию материалов по Ингурбумстрою и не представил ложный материал.
4. В 1937 г. отмечал неправильный подбор и расстановку кадров в аппарате Наркомата местной промышленности Груз[инской] ССР.
5. Раскрыл антигосударственную деятельность в системе «Грузкоопинсоюза» и т.д.

Вся моя борьба во имя чистоты рядов партии Ленина – Сталина, во имя чистоты советского аппарата, вся моя критика деятельности тех или других органов и отдельных руководителей расценивалась как попытка умалить руководство Берии.

Единственной целью в моей работе, как члена ВКП(б), было: правильно, объективно ориентировать партийное руководство о действительном состоянии той или другой организации, предприятия и учреждения, о людях, коим доверены они. Я хотел помочь руководству в ликвидации имеющихся серьезных недостатков, то есть я поступал так, как должен поступать каждый честный, преданный член Великой Коммунистической партии. Я не рукоплескал Берии, я не выпивал заздравную Берии, я не преклонялся перед его культом, но и не пытался моей работой дискредитировать Берию и его руководство. Я боролся за дело партии и правительства, за дело советского народа. Я не мог предполагать, что за мою активность мне отомстят, да еще кто? Берия – тогда руководитель Закавказской и Грузинской партийных организаций.

С 1937–1938 гг. для Берии стали благоприятными годы «ловли рыбы в путной воде» для осуществления своего черного замысла – отомстить и избавиться от меня, и от многих подобных мне.

¹ Тбилисский комитет Коммунистической партии (большевиков).

² Грузинский кооперативный союз.

³ Гоглидзе Сергей (Серго) Арсеньевич (Арсентьевич) (1901–1953) – деятель органов госбезопасности, генерал-полковник (1945). В 1934–1937 гг. – нарком внутренних дел ЗСФСР, в 1937–1938 гг. – нарком внутренних дел Грузинской ССР. 3 июля 1953 г. арестован и вскоре расстрелян.

В 1938 г. происходили выборы в Верховный совет Груз[инской] ССР. В Наркомате местной промышленности Грузии партийная организация выдвинула мою кандидатуру общественным доверенным, и Кировский РК КП(б) утвердил мою кандидатуру. Еще до этого прошли выборы в Верховный Совет СССР, где также я был общественным доверенным.

В эти дни в наркомате местной промышленности было созвано открытое партийное собрание для обсуждения и выдвижения кандидата в депутаты в Верховный Совет Груз[инской] ССР. На этом собрании я единогласно был избран председателем собрания. Однако присутствующий здесь нарком Стуруа Г.М.¹ вступил с такой речью: «Данное собрание должно принять и послать приветственную телеграмму т[оварищу] Сталину, и эта телеграмма должна быть подписана председателем собрания, не скажет ли тов[арищ] Сталин: «Неужели в Грузии нет грузина, что телеграмму подписывает армянин». Такое антипартийное, контрреволюционное, национал-шовинистическое выступление поразило всех присутствующих, люди от неожиданности онемели, и никто не мог противоречить этому «наркому», этому вельможе, этому идолу. Итак, председателем собрания был избран грузин, а я остался секретарем. После окончания собрания по коридорам шли разговоры – шушукание, недоумения, многие осуждали такую националистическую вылазку Стуруа, но выступать против него никто не смог. Об этом вопиющем факте я на другой же день написал письмо б[ывшему] секретарю ЦК КП(б) Берии, [в] НКВД Груз[инской] ССР Гоглидзе, секретарю Кировского РК КП(б) Гр[узии], и в редакцию [газеты] «Правда».

Моя трагедия.

И вот, после этого письма, разоблачающего буржуазного националиста Стуруа Г., через несколько дней я был арестован НКВД Груз[инской] ССР, а буржуазный националист, карьерист, вельможа был назначен по инициативе Берии председателем Верховного совета Груз[инской] ССР. Речь идет о том «знаменитом» Стуруа Г.М., который по инициативе ЦК РКП(б) был снят с поста председателя Верховного Совета, кажется в 1950 г. за то, что он написал какую-то книгу, и в этой книге выставил себя [как] какого-то «корифея» революции из-за того, что превращался «в помещика»².

11 месяцев продолжалось следствие по моему делу. В течение этих 11 месяцев мои следователи предлагали мне: «Расскажи о твоей антисоветской работе».

11 месяцев я доказывал ссылками и документами обратное. Я доказывал, что всю свою сознательную жизнь боролся против антисоветских настроений и лиц, что я чист, я честен, и залог этому моя жизнь, моя работа.

«Расскажи о твоей антисоветской работе», – твердил некий Гульст³ в НКВД Груз[инской] ССР. Этот подхалим – поклонник Берии, который вместе с Берией был переведен в Москву, а ныне, говорят, в Германии. Что значит антисоветская работа? Я понимаю так: это значит работать против Советской власти. Работать против советской власти, значит, работать за власть капиталистическую, меньшевистскую, дашнакскую, мусаватскую⁴ и т.д. А ведь весь мой род, в том числе и я, веками испытывали горе и рабство, голод и нищету, оскорбления и унижения от них, и только власть советов вырвала нас от их

¹ Стуруа Георгий Федорович (1884–1956) – советский государственный и партийный деятель. В 1925–1927 гг. – ответственный секретарь Абхазского обкома КП(б) Грузии, в 1929–1931 гг. – нарком юстиции Грузинской ССР, в 1938–1941 гг. – первый заместитель председателя СНК Грузинской ССР. В 1942–1948 гг. – председатель Президиума Верховного совета Грузинской ССР.

² Одной из причин опалы Г.Ф. Стуруа считается написание им мемуаров.

³ Гульст Вениамин Наумович (1900–1972) – сотрудник органов государственной безопасности. В 1934–1937 гг. – начальник Оперативного отдела ГПУ Грузии – Управления государственной безопасности Управления НКВД по Грузинской ССР, начальник отдела угрозыска Управления рабоче-крестьянской милиции НКВД Грузинской ССР, начальник 2-го и 3-го отделов Управления государственной безопасности НКВД Грузии. С 1938 г. – заместитель начальника 1-го отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР. В 1940–1941 гг. – заместитель, в 1941–1942 гг. – первый заместитель наркома внутренних дел Эстонской ССР, генерал-майор (1945). В 1954 г. лишен генеральской пенсии, но расстрелян избежал.

⁴ Мусават – азербайджанская националистическая партия, образованная в 1911 г. в Баку под названием «Мусульманская демократическая партия Мусават». Основываясь на идеях панисламизма и пантюркизма, мусаватисты выдвигали лозунг создания под эгидой Турции и Азербайджана единой тюркской державы Туран.

звериных когтей и сделала нас свободными и счастливыми, как же я мог быть антисоветским? Что я мог ожидать от капитализма, кроме цепей? Или я стремился вернуть потерянный рай, дворцы, сотни и десятки гектаров земли, фабрики и заводы или сотни и тысячи рабов? Или я надеялся использовать свои учены[e] цензы¹, продавать капитализму свои дипломы? Нет, нет, товарищ МАЛЕНКОВ, могильщиком себе и своим детям, миллионам таких же, как я, я не смогу быть.

11 месяцев я требовал от моих следователей, чтобы они предъявили мне основание о моем аресте². Однако, после одиннадцати месяцев, как только Берия, Гоглидзе и Гульст были переведены в Москву, я был освобожден за отсутствием компрометирующих меня материалов, и через несколько дней был восстановлен в рядах ВКП(б).

Мое освобождение, Георгий Максимилианович – была подлинная агитация за советскую правду среди людей партийных и беспартийных, знающих меня. Встречаясь со мной, не один из них (многие) с радостью на лице говорил: «Вот, где образец ленинско-сталинской справедливости». Однако это мое счастье продолжалось 2–3 месяца. Вскоре меня постигло второе горе, терзающее меня по сей день.

По истечении 2-х – 3-х месяцев НКВД Г[рузинской] ССР арестовало меня вновь, вслед за освобождением и восстановлением в партии. На этот раз также мне не было предъявлено основание для ареста. Я просидел еще шесть месяцев, не зная причины. И, наконец же, объявили, что: «У нас материала нет, Вы арестованы по распоряжению НКВД СССР и подлежите этапированию в Москву ([Главой] НКВД СССР тогда был Берия)». Такое заявление меня крайне удивило. Наконец, в январе месяце 1940 г. меня этапировали в Москву в распоряжение НКВД СССР, и вот, и здесь просидев еще шесть месяцев, я ничего не мог понять, за что же, в конце-то концов, я страдаю.

3 марта 1940 г. меня вызвал из камеры кто-то из следственного отдела НКВД СССР и объявил: «Ваше дело закончено. Вы подлежите освобождению, остается санкция Наркома (тогда Берия), и ждать несколько дней до оформления документов».

И я, товарищ МАЛЕНКОВ, ждал днями этого второго торжества правды в моем деле после двадцати 22-месячного заключения. В дни этого ожидания преподносят мне постановление особого совещания о том, что я осужден к 5 годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях. Здесь уже не было никакого сомнения, что Берия, преследующий меня с 1930 г., завершил месть.

Обратите, прошу Вас, внимание. Будучи еще в Грузии секретарем, Берия приказал арестовать меня, конечно, как бдительного и активного большевика. Гоглидзе, Гульст и к[омпания] и не могли сфабриковать обвинение против меня, пока были в Грузии. Берия, Гульст и Гоглидзе в 1938 г. были переведены в Москву. Я был освобожден и восстановлен в партии. Берия узнал о моем освобождении и через 2–3 месяца приказал арестовать меня.

Так или иначе, в 1940 г. летом я был [отправлен] в исправительно-трудовой лагерь Коми СССР. Вот оттуда, из этого лагеря, начинаются мои письма на имя Великого Сталина, на имя Калинина, на имя партконференции, где я излагаю причину моего невинного страдания, но ответа не получал. Я не буду говорить о своей работе, будучи заключенным: об этом пусть скажет руководство лагеря. Мое заключение ничуть не поколебало мое большевистское убеждение, мою преданность Родине, партии и правительству. Я не прекращал свою большевистскую партийность, и там я честно выполнял всякую работу, предлагаемую мне.

В 1944 г., в период Великой Отечественной войны, меня после отбытия срока освободили, и я приехал в город Тбилиси по месту жительства моей семьи. Устроился на работу с 1944 г., и по сей день я, не покладая рук, работаю в разных хозяйственных организациях. Как всегда, так и ныне, моя цель, мое стремление оправдать доверие партии и власти. Я ежегодно выполнял, и значительно перевыполнял все задания, о чем свидетельствуют данные мне характеристики, представленные мною в МГБ³.

Мое страдание – это месть ловкой руки врага Берии и его подхалимов, оторвавших меня от общества, от родной партии Ленина – Сталина.

¹ Так в тексте документа.

² Так в тексте документа.

³ Министерство государственной безопасности СССР.

Итак, я на свободе, я жив, я дышу, я работаю, я пытаюсь.

Но может ли такое нахождение на свободе и такая работа удовлетворить человека, который плоть от плоти, кровь от крови состоит из большевика Ленина – Сталина, незапятнанного ничем, не совершившего ни малейшего проступка перед своей матерью ВКП(б), и оказавшегося оторванным, выброшенным из ее груди?

Сколько душевных переживаний, когда люди, знающие когда-то меня, некоторые даже вступившие в ряды ВКП(б) с моей рекомендацией, встречаясь со мной на улице или смотрят на меня с недоумением, или обходят меня. И это вполне естественно: «Раз Ходжимиров до сих пор не реабилитировал себя, значит, за ним есть грехи». Но тяжелее всего то, что люди, которые когда-то или были беспартийными, или сочувствовали другим партиям, и с которыми я спорил и доказывал преимущество партии большевиков, а некоторые из них сыновья таких, у которых я работал сельхозработником, сейчас [в] КПСС, и, видя меня, улыбаются под нос ехидной улыбкой.

Товарищ МАЛЕНКОВ! Я никогда не был книжником и большим грамотеем, но жизнь и партия научили меня столько, сколько нужно простому советскому человеку-патриоту. Когда я начал свою борьбу за идею Ленина – Сталина, за власть Советов, и когда я пришел в ВКП(б), я не знал, что когда-нибудь я стану председателем райревкома, секретарем райкома партии или же инструктором ЦК КП(б) и др. Я боролся за партию и за Советскую власть, главным образом, мечтая избавиться вместе с миллионами таких, как я, от ига капиталистической эксплуатации, чтобы вместе с этими миллионами работать на благо всех трудящихся и себя, чтобы не подвергаться физическому и душевному истязаниям хозяев, чтобы не питаться их отбросами, чтобы не спать в конюшнях на голых нарах, чтобы не работать от зари до зари на кулака, бека, князя. И эта моя мечта исполнилась. Но партия нашла во мне честность, силу и способность выдвигать [меня] на ответственные работы, партия доверяла мне отдельные участки в управлении государством, и я с честью оправдал это доверие. Может быть, меня можно упрекнуть в том, что я оказался недостаточно бдительным? Я на такой упрек отвечаю не голословно, а на основе фактов и документов, хотя бы нескольких, которые сохранились [в] моей памяти:

1. Пусть достанут из архива ЗКК ВКП(б) и их политотдела мою докладную, адресованную секретарю ЗКК ВКП(б) Берии и начальнику политотдела НКПС Амосову, написанную в 1932–1933 гг. о состоянии кадров ЗакЖД.

2. Пусть достанут из архива за 1937 г. ЗКК ВКП(б), ЦК КП(б) Грузии, из ТК КП(б) Грузии, и из РК КП(б) Гр[узии] Кировского района гор. Тбилиси мои доклады о кадрах Грузкоопинсоюза.

3. Пусть достанут из архива ЗКК ВКП(б) мой доклад в 1930 г. о политическом состоянии колхозов Закавказья.

4. Пусть достанут мою докладную записку по строительству Ингурбумкомбината в 1932 г.

5. Пусть достанут стенограмму моего выступления на пленуме Ахалицкого у[ездного] комитета КП (б) Грузии в 1927 г.

6. Пусть достанут мой доклад на районной партийной конференции Аллавердского РК КП(б) и ряд других документов в 1933 г.

Все это, вместе взятое, плюс образ моей личной жизни, как большевика, является залогом моей чистоты, честности и беспредельной преданности партии Ленина – Сталина, советской власти и советскому народу.

Я работал в Борчалинском уезде, в Ахаркалакском уезде, в Ахалциском уезде, на Манглисе Грузинской ССР, Автономной области Нагорного Карабаха Аз[ербайджанской] ССР, в Аллавердском районе Арм[янской] ССР и в городе Тбилиси. Из людей, которые знают меня по работе, пусть хоть один из них скажет про меня отрицательное с точки зрения моей партийности. Пусть даже люди, безжалостно отнявшие меня от груди родившей меня ВКП(б), причинившие мне столько горя, покажут хоть один незначительный факт о моей неискренности к партии. Нет, товарищ Маленков, они не могут этого сказать, ибо прививать на плодородную виноградную лозу колючки или полынь невозможно.

Итак, поскольку, мне не доказано хотя бы ничтожного поступка, хотя бы основания о моей сомнительности, ясно, что я жертва националистов, я жертва вельмож, которые

мстят тем, кто подвергает их партийные недостатки критике и, наконец, жертва тех сохранившихся еще кое-где людей, которые объективно или субъективно не могут различать красное от черного, врага от друга.

Скажу больше: недавно, как раз в дни составления этого письма, мне надо было обменять паспорт. 6-е отделение милиции города Тбилиси вытребовало из НВ[К]Д Гр[узинской] ССР справку, по какой статье и на сколько лет я был осужден. Ответ получился такой: «Был арестован в 1938 г., дело прекращено из-за неимения компрометирующих материалов и сдано в архив». Спрашивается, на каком же основании я отсидел 5–6 лет? Спрашивается, за что я страдаю 15 лет? Спрашивается, за что я оторван от родившей меня матери – КПСС? Лишь только потому, что этого хотел Берия и его друзья буржуазные националисты. Эти люди призывали к критике и самокритике лишь с целью выявлять активных, преданных, честных, чтобы после убрать их с дороги для своих дальнейших антипартийных и антисоветских походов, и вот я оказался одним из таких, надо было доконать.

Товарищ МАЛЕНКОВ! У меня есть один грех, по которому можно меня судить. И вот в чем заключается этот мой грех. Если я [в] письмах, направленных руководителям партии и правительства в 1938–1943 гг. из тюрьмы, из лагеря, иногда прямо, иногда косвенно писал о причинах моего невинного страдания и обвинял Берия и его друзей, то по отбытии мною срока наказания я начал думать так: Берия – министр внутренних дел СССР, член Политбюро, заместитель Великого Сталина, маршал Советского Союза, партия и правительство доверяет ему. Что же значит, я ошибаюсь? Может быть, Берия ввели в заблуждение в моем вопросе? Ну что же, думал я, значит мое несчастье – это результат недоразумений. И я писал этому кровожадному Нерону¹ просьбу рассеять это недоразумение, помочь в пересмотре моего дела, я обращался к нему как к одному из руководителей партии и правительства. И я не один оказался в таком положении, а многие из его жертв.

Товарищ МАЛЕНКОВ! Весьма возможно, что состояние моего душевного и физического здоровья не удостоит меня дожить до получения мною ответа на это письмо.

Смерти я не боюсь, но есть две смерти: одна смерть – это смерть с чистотой и честностью перед народом, перед обществом и с любовью этого общества, а другая – это смерть с пятном позора перед народом, перед окружением. Вот эту последнюю смерть я презираю, такой смерти я не хочу, ибо не заслужил.

Я написал в этом письме всю правду о моей жизни, о моей работе, и о причинах моего 15-летнего страдания.

Карьеры я не искал и ныне не ищу. Хлебопашец я неплохой, да и садовником быть могу. Конюх я первоклассный, и кирпич на стройку лихо подам.

Обращаюсь к Вам, товарищ МАЛЕНКОВ! Я прошу облегчить мое страдание. Я прошу снять Вашей отеческой, справедливой рукой это позорное клеймо с моей души, клеймо, мною незаслуженное, я прошу вернуть отнятую коварной рукой честь советского гражданина.

Я прошу пересмотреть мое дело и возвратить меня в объятия меня родившей Ленинско-Сталинской КПСС.

Если состояние моего здоровья позволит мне дожить до получения от Вас ответа, я буду вновь рожденным. Я буду жить, с удесятенной силой творить во благо строительства коммунизма. Если же мне суждено покинуть жизнь до получения от Вас ответа, то этот ответ прочтут знающие меня члены КПСС, мои дети, мои братья, сестры и окружающая меня среда, и оценят мой жизненный путь по достоинству.

ГЕОРГИЙ МАКСИМИЛИАНОВИЧ! В полном сознании того, что в Великом Советском Союзе, руководимом партией ЛЕНИНА – СТАЛИНА, не могут быть невинные жертвы, я жду Вашего приговора.

Я чист, честен, я сын партии Великого ЛЕНИНА, Великого СТАЛИНА.

Не теряйте меня.

Ходжамиров Леон Агалоевич

¹ Нерон Клавдий Цезарь Август Германик (37–68) – последний римский император из династии Юлиев-Клавдиев, убивший собственную мать и прославившийся своим безумным характером. По его приказу пытали и казнили верующих христиан, признанных вне закона.

Примечания

1. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 94176. Оп. 1. Д. 1–14.
2. Справочник по истории Коммунистической партии Советского Союза. URL: <http://www.knowbysight.info/AAA/00992.asp> (дата обращения 23.11.2015).

References

1. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv. F. 94176. Op. 1. D. 1–14.
2. Spravochnik po istorii Kommunisticheskoj partii Sovetskogo Sojuza. URL: <http://www.knowbysight.info/AAA/00992.asp> (data obrashhenija 23.11.2015).

УДК 94(47).084.8.

Исповедь большевика: Письмо Л.А. Ходжамирова Г.М. Маленкову с просьбой о реабилитации

Подготовка к публикации, вступительная статья и комментарии
Игорь Олегович Тюменцев

Волгоградский филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы, Российская Федерация
400131, Волгоград, ул. Гагарина, д. 8.
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: tjumencev@mail.ru

Аннотация. В статье впервые опубликовано письмо партийного работника из Закавказья с описанием его конфликта с Л.П. Берией и последовавшими после этого репрессиями. Содержит интересные сведения о партийной работе и ситуации в Закавказье во время руководства регионом Л.П. Берии.

Ключевые слова: история СССР, сталинизм, репрессии в Закавказье, коллективизация, состояние хозяйства, реабилитация.